

М. ШУЛЬГИН

Я так горжусь своим
отцом —
охотником и рыбаком:
он у Невы в сорок втором
стоял в равнении суровом...
Осталась за спиной тайга,
но, как в тайге, под свист
метели,
отец мой лютого врага

держал на снайперском
прицеле!
Он бил врагов не в бровь,
а в глаз,
как серых белок на охоте, —
недаром помнят и сейчас
отца товарищи по роте...
Я не забыл, как в старый
чум
вернулся он из Ленинграда:
лицо, серьезное от дум,

и на груди блестят награды.
Он снял шинель и сапоги
и мне сказал:
«Сынок, мы снова
охотники и рыбаки —
и грех теперь желать
иного!»
И я горжусь отцом своим, —
не зря, как он, я стал
солдатом.
Мы —
дети воинов —
храним

наш мир, спасенный в сорок
пятом.
Свой долг исполним до
конца,
какие б ветры нас не гнули:
в мишени попадают пули,
а песни — в добрые
сердца!
Перевел с хантыйского
С. МНАЦАКАНЯН.

Н. ШАМСУТДИНОВ

Баллада об убитой птице

Были счастливы мы
Поболтать с ружьишком
Посреди тишины,
В сосняке растворившись,
Разбудив санный путь,
Зачастивший, как пульс,
Отпечатком подков
От кирзовых сапог.
Над дорогой ж резкая —
Несмиданный крик —
Птица правила лезвия
Разбросанных крыл.
Рассекаясь прямо
Как в глаза она прыгает!
Но вдогон ей, вослед
Кто-то выслал дуллет.
Он шархнул по нервам —
Так по вервям
Звук швыряет — багров —
В недра колоколов.
Ну, а мы не гудели,
Мы молчали, глядели,
Как плечом моей родины
Протрассирует родинка.
Проводник ее боли,
Я в поляны, в недрач
Запахал, словно в блоки,
Ее хохот и плач.
Она падала, кланялась,
Замсчав, не орала
Западающей клавишей
Лесного органа.
Так, дробиною пропорота,
Умирала она.
И в какой-то пропорции
В нас входила вина.
Что с природою станется,
Когда, встав на носки,
К нам березами тянутся
Поле, парки, лески?
Она вся, как отдарок
На любовь.
Только вот,
Как на грех, контрудара
Ей на зло не дано.
А кто это постиг —
Словно принял постриг.
И ему с его сапом
Псчему-то дано
Шорох полоза санного
Пригублять, как вино.
Это все на мгновенья,
Хоть предшествуют им
В вечерах треск поленьев,
Размышления, дым...
...Тень ложилась от птицы.
Плыло солнце над ней
В заработавших плицах
Осенних лучей...

Сейчас здесь лежала потрево-
женная земля. Как бы сорев-
нуясь друг с другом, недавно гу-
дели чужие снаряды, перепыхива-
ли землю гусеницы чужих танков.
Много, ох, как много досталось
одному селу! Так много, что не
стало ни домов, ни людей, ни
плетней, ни подсолнухов. Осталась
одна только испуганная речка.
Удрученная, потемневшая, она из-
редка вздрагивала. И еще изран-
енная земля...

Вот отсюда, с этой земли уходил
на войну Кирилл. Здесь и спросил
у него про смерть сын Витюнька.
Успел ведь услышать где-то.

— Нет ее, смерти, сынок! Она
бывает только в сказке. Там она
ходит с косой, острой-острой. И
сама вся костлявая, страшная. Ус-
воил, пострел?

...Сюда, в родное село, и бежал
сегодня старший сержант Кирилл
Островнов. Да и как не бежать,
ведь за этим леском была его зем-
ля. Она ждала его, измученная,
растерзанная. Он опустился на ко-
лени и пальцами, которые яростно,
до боли сжимали автомат при
виде фашистов, стал осторожно
гладить землю. Ему казалось, что
земля сейчас горячая-горячая, вся
какая-то набухшая, и если чуть
грубее нажать на нее — зальется
кровью. Ладонь все бережнее лас-
кала землю, а ему казалось, что
тем самым он успокаивает ее, Олю
с Витюнькой, односельчан. Сейчас
эта земля была для него челове-
ческими руками, волосами, губа-
ми. Она стонала, дрожала от гор-
ря, слез, плакала, жаловалась:

— Гады, гады! Ничего не оста-
вили, ничего. Все разрушили.

И Витюнька, наверное, успел по-
нять, что не ходит смерть с косой,
как в детской сказке, и руки у нее
не костлявые, а жирные, покры-
тые рыжим пухом.

Все сместилось для Кирилла.
В Он не чувствовал даже дож-
дя, который несмело ласкал све-
жими каплями его, землю. И

НОВЕЛЛА
Л. РАЗИНА
г. Сургут

только тогда, когда сержант по-
чувствовал, что оживает земля,
он поднял лицо. Шел дождь, а
перепаханное поле судорожно впи-
тывало щедрость неба. Гимнастер-
ка, волосы, лицо Кирилла — все
стало мокрым. И теперь уже ни-
кто не мог увидеть слез старшего
сержанта Кирилла Ивановича Ост-
ровного.

Он поднялся с земли. Теперь
она звала его, заклинала отом-
стить, проклинала убийц. Сержант
развязал вещмешок, выкинул от-
туда кусок сала, консервные бан-
ки, сахар — и все это положил на
землю. Угощать был некого. Сей-
час у него оставалась одна лишь
земля. Потом достал кисет, напо-
нил его мокрой землей и пристег-
нул к ремню. Это была его па-
мять, его злость, его вера...

С тех пор старший сержант
мстил: убивал, шел по военным
дорогам. Где только ни перебива-

МИР ВАМ, ЗЕМЛИ!

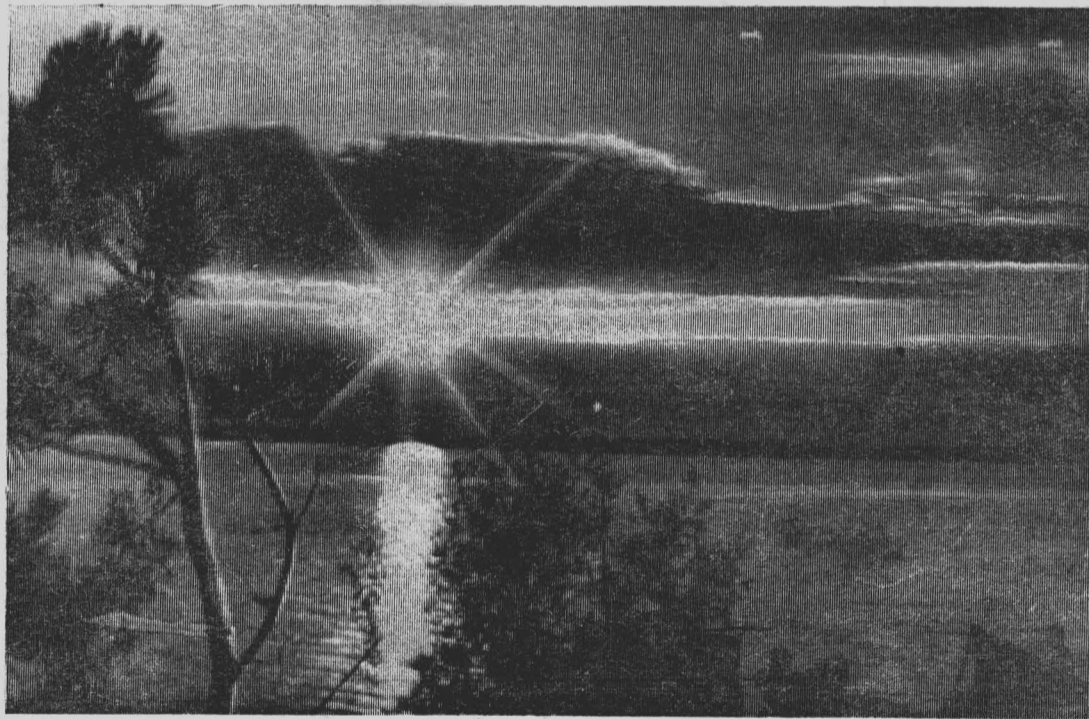
ми, протянул мешочек с красным
крестом.

— Распорядился я без тебя, да
уж очень, по-моему, снохислся твой
кисет, а этот мешочек покрепче
должен быть. А ты — живучий,
помогает земля-то своя.

И рассказал хирург маленькую
притчу о двух борющихся вели-
канах. Никкак нельзя было одного
из них одолеть, потому что касал-
ся он пятой своей земли.

— Так и остался непобеди-
мым, — закончил притчу хирург.

Затем был Берлин. Тоскливый
и серый город, откуда при-
шли убийцы его земли. Кирилл ос-
тановился у разрушенного дома.
Это тоже была чья-то измученная
земля. Кирилл, как и все русские,
любил и не мог причинить боли ни
своей, ни чужой земле. А те, что
пошли отсюда, не думали об этом.

Под крыльями заката. Фотоэтиюд Г. Проводникова, нашего нешт. корр.

А. ТАРХАНОВ

Верховой дорогой — по
зарубнам
К озеру Туману выхожу.
Озеро дымится, словно трубка,
Я его туманами дышу.
Но уже подводное свеченье
Подгоняет плескующую волну,
И приходит детское волнение

И приносит взрослую вину.
Слишком уж богатым был я
раньше,
Слишком все принадлежало
мне:
Облаков серебряные башни,
И подснежник, забнувший во
сне.
Этот клад — куда я
растранирил,

Где мотался, как печальный
звон?
Озеро великое Сибири,
Я к тебе за правдою пришел.
И Туман вздыхает облегченно,
Принимая исповедь мою.
На коленях — путник
утомленный —
Я его живую воду пью.

Н. ЕЛЬСКИЙ

Среди болот и кедрача
Мы ставим наши буровые
И, не смолкая ни на час,
Колдуем там, как домовые.
Все вира-майна, круть да
верть
И в ясный день, и ночью
хмурой.
И устает земная твердь
Под грозной силой
турбобура.
И все, что кануло в века
И под землей легло глубоко,
Рассудит мудро что и как
Геофизическое око.
И к нам из темноты,
оттуда,
Сквозь вековые рубежи,
Как из волшебного сосуда,
Вдруг явится волшебный
джин.
И выйдя к нам, далекий
житель,
Мудрец, он скажет
не шутя:
«Ты спас меня, мой
повелитель,
Приказывать прошу тебя!»